

Уроки бессмертия

Инна Кулишова. Год у пограничья:
Грузия 2008–2009. *Эссе*

Альгерд Бахаревич. У крикета другие правила,
или Мой домашний учитель Герберт Уэллс. *Эссе.*
Перевод с белорусского Светланы Буниной

Инна Кулишова

ГОД У ПОГРАНИЧЬЯ:
ГРУЗИЯ 2008 – 2009

Удар колокола обозначил время раньше, чем трижды прокричал петух.

Пять утра. Черное небо и белая земля сочатся снегом. Это вечером начнется Рождественская Литургия — а сейчас обычная монастырская служба. И послушницы тихо идут в церковь.

До войны служба начиналась в три часа утра, теперь её перенесли на более поздний час. Утренняя и вечерняя службы проходят без электрического света, при свечах. Грузинский язык идеально сочетается с каменной выправкой храма. Это — древняя церковь Вознесения, кафедральный собор Никозской епархии, одной из двенадцати, основанных царем Вахтангом Горгасали в V веке.

В километре отсюда — Цхинвали.

Сейчас январь 2009-го, но временами по ночам слышна стрельба.

...Найти настоящее можно только в тишине. Иногда она наступает только после сильного грома. Тогда отпадает ненужная корка стен, спадают маски. Рушится привычный образ жизни, открывая новое небо. Из развалин начинает прорастать живое.

Сюда, в Картли — давнее название всей стране (Сакартвело) — стоит приехать, чтобы встретиться с особым состоянием души, исполненным тихим ликованием невидимого мира. С которого сдернута внешняя мишура застолий с пышными словами и многолюдных пиров с песнями — то есть того мира и состояния, называемого: Грузия.

•

Тихо и спокойно разливается особое по вкусу картлийское вино. Оно отличается от других сортов мягкой легкостью. И говорятся негромкие слова. Идея тоста, застолья, трапезы восходит к Тайной Вечере. Тост — это маленькое причастие. Причастность как причастие.

В этой реальности мы привыкаем ко всему. Хотя на самом деле именно в этой реальности просвечивает иная — та, что оставляет нам самое главное: человека и Бога.

Конкретного человека — и человека как Замысел.

Начало войны как конец человека. Август, 2008

— С чего начинается человек? — спросили однажды Мераба Мардашвили.

— С плача по умершему...

Далее, кроме белого листа, ничего не должно следовать. Молчание стало обратной стороной крика. Шок похож на убитый белый лист. На котором больше нечего писать. После прочтения стихотворения становишься другим человеком. То есть оказываешься далеко не там, где находился прежде. Стишок должен быть колющим и режущим предметом. Убивать наповал, пронзать насквозь. Стишок — шок. Событие и состояние проясненного сознания. Меняется состав крови, ритм дыхания, размеры горизонта. Главное, появляется безошибочное ощущение неизбежности сказанного. По крайней мере, возникает чувство причастности к мелочам вечности.

Но шок может быть **другим** молчанием. Появляется ощущение не неизбежности и даже не абсурдности, ибо, как писал Бродский в «Географии зла», «абсурд — далеко не последнее слово человеческого опыта. После абсурда человека еще можно поставить к стенке или изнасиловать на допросе его жену», но реальности как дурного сна и новой нормы существования. Нормы, превращенной в норматив.

Кто сегодня человек? И «Человек ли он?», как сказал Илья Чавчавадзе? То же самое писал в «Зоне» Сергей Довлатов: «...Человек человеку — табула раса. Иначе говоря — все, что угодно. В зависимости от стечения обстоятельств. Человек способен на все — дурное и хорошее. Мне грустно, что это так. Поэтому дай нам Бог стойкости и мужества. А еще лучше — обстоятельств времени и места, располагающих к добру...»

Сегодня у нас таких обстоятельств почти нет. Солидарность в виде невнятных толп и массовых истерий, одиночество в виде кошмара и шока. Иногда в глазах появляются линзы слез, упрощающих реакцию. Но и без них оказываешься не там, где прежде; но и без них ви

дишь другой горизонт и небо, в котором могут появиться самолеты и начать бомбить.

В районе 31-го авиационного завода в Тбилиси, после первой бомбежки, когда снова появились самолеты, дети играли во дворе, и одна девочка бросала в небо конфеты. Ее спросили, зачем. Мальчики, отвечает, сказали, что если буду бросать конфеты, русские увидят сверху и не будут нас бомбить.

И снова вздрагивает в памяти хроника войны.

8 августа. Мы узнаем о начале военных действий в Южной Осетии. Три бомбы падают на окраину Тбилиси. Шок! Никто ничего не понять, ни узнать не может. Объявлена всеобщая мобилизация. Все говорят о резервистах, ибо у каждого есть дети-родственники друзья-знакомые.

9 августа. Бомбили Марнеули, Болниси, Гори. В стране объявляется военное положение. Снова бомбят Поты, Сенаки, Гори, Верхнюю Абхазию (по сути, это Сванетия, переименованная нынешним президентом в Верхнюю Абхазию), Рачу. Все уже говорят о большом количестве жертв. Информации никакой нет. Кто где кого — неизвестно.

10 августа. Бомбят 31-й авиационный завод в самом Тбилиси (потом он несколько раз подвергнется бомбардировке). Один из многих случаев: 21-летний мальчик, у которого трехмесячная дочка, позавчера был призван резервистом, вчера привезли — бомба. Погибают знакомые журналисты, их тела — точнее, то, что осталось, и остальные трупы не могут вывезти из Цхинвали, даже обращение Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II не возымело успеха. Гуманитарный коридор закрыт. Патриархия предупреждает о возможной эпидемии — слишком много трупов и жарко. Говорят, что Цхинвали и многие села в Южной Осетии стерты с лица земли (год спустя грузинская оппозиция насчитала примерно 150 сел и деревень по всей территории августа как полностью исчезнувшие, вменив их также и в вину власти).

11 августа. Новости сообщают: в течение ночи бомбили села в Аджарии, Кахетии, города Сенаки, утром снова Гори, Гардабани и т.д. По телевидению выступает в числе других и русская жительница, свидетель бомбежек, у которой гостит внук из Москвы. В самом Тбилиси бомбы сброшены на радиолокационные установки, контроли-

рующие инфраструктуру аэропорта, где-то в городе. Промахнулись, вроде бы. Российские войска в Зугдиди и вдоль Ингури. Русская пехота вошла в Поты, Гори. Гори пуст. Примечательно: музей Сталина при бомбежках не пострадал. Свои своих не трогают? Это касается всех сторон, приверженных адским идолам. (Спустя полгода жительница Гори рассказывала: проходили российские роты строем мимо памятника Сталину и отдавали честь.) Постепенно все понимают, что Осетия — только предлог...

Иностранные государства увозят своих граждан из Грузии. Аврально многие пытаются уехать. Мне рассказывают побывавшие в Гори и знающие хоть что-то из немногого, что в лесах Южной Осетии укрываются сотни молодых грузинских мальчиков-резервистов, которые просто не могут выйти — разбомбят. Третий вечер гудят по городу машины. Акция «STOP RUSSIA!». Поздно вечером слышим друг от друга и от родственников из других стран, которые обеспокоены и звонят, что русские танки вошли во Мцхету.

12 августа. Бомбили Карели и Каспи. На улицах Тбилиси спокойно, разве что лица у людей отрешенные, пожилые мужчины на лавочках или молчат, или говорят о... Я спокойно разговариваю порусски с разными людьми. Никакого противостояния на бытовом уровне. Из окон домов, в магазинах, в машинах, везде, где есть телевизор или радио — новости. У всех какой-то безостановочный шок.

На центральном проспекте Руставели масса народу. Грандиозный митинг с участием президентов Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши. Саркози не вышел, хотя его ждали. Неприятно видеть улыбающегося президента, когда все знают, что есть много жертв. В России траур. В Грузии трехдневный траур.

13 августа. Первая новость по всем каналам: русская колонна идет из Гори в сторону Тбилиси. В Гори и грузинских селах зверствуют мародеры и насильники.

У многих знакомых страх, кто-то из родственников предлагает вывезти хотя бы детей в другие страны, но испуганные дети не отрываются от матери, будучи случайными свидетелями бомбежки — многие ведь отдыхали по всей Грузии до войны. И сами взрослые боятся: ощущение такое, что если сейчас часть семьи уедет, а часть останется, то навсегда. Сюда летят самолеты с гуманитарной помощью: США, Литва, Украина, Иордания, Эстония, Израиль, Греция, Италия и другие страны... Из награбленного у миротворцев мебель,

холодильники, мыло, ткемали, унитазаы, золотая вилка, велосипед и т.д. Телевидение все показывает, как в прямом эфире, так и в других репортажах. В прямом эфире Первого общественного канала ранили в руку девочку, журналистку, ведущую репортаж. Грузия вышла из состава СНГ, упраздняются все договора.

14-15 августа. Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, так и не дождавшись ответа из Москвы, отправился в Гори и Никози, где была разбомблена епархия митрополита Никозского и Цхинвальского, с автобусами гуманитарной помощи. До этого мы тщетно пытались дозвониться ему в Никози — разрушены все коммуникационные вышки, телефонной связи нет. Что с ним — никто не знает.

Объявлены телефоны и места сбора помощи беженцам. Нужно все: начиная с одежды, предметов гигиены и заканчивая проведением электричества в палаточных городках. По официальным данным, беженцев 60 тысяч. CNN говорит о 118 тысячах «перемещенных лиц».

После бомбежки горят Боржомские леса. Боржоми, Ликани, Цагвери и другие села. Тушить надо только с самолета, просят помощи у Украины, Турции, Азербайджана. Боржоми — красота Божественная, там облака бродяжничают в лесах, и небо целуется с верхушками гор. Экологическая катастрофа.

16 августа. Российские войска взорвали мост в Каспи, прервав связь между Западной и Восточной Грузией, где проходила железная дорога. Как пройти беженцам, которые километрами пешком идут из своих деревень, с грудными детьми, старухами?..

По телевидению показывают акции протеста во всем мире.

Войска в Зугдиди, Поты, Сенаки, Гори, в Гори не пропускают никого. Танки недалеко от Тбилиси, в деревне Игоети. Много мародеров. Патриархия снова просит открыть гуманитарный коридор. Изза жары многих сожгли, побросали в яму.

Что дальше? Впереди ночь, потом еще ночь, потом еще...

Рунет, российские телеканалы отключены.

...В очень старое время у нас были соседи: с одной стороны жили осетины, с другой грузины. Посередине — мы, русско-еврейская семья. О таких друзьях и отношениях можно только мечтать. Сегодня многие, особенно беженцы, рассказывают, как они жили в мире, сколько смешанных браков.

...Северную и Южную Осетию разделяет Кавказский хребет, а знаменитый нынче Рокский туннель построен лет 30 назад; до этого

пробирались тропами, если напрямую. Риторика местных властей — разговор другой. Помнится, в темные 90-е годы друг нашей семьи, ныне покойный, один из ближайших потомков выдающегося грузинского писателя Григола Робакидзе предупреждал, что националистическая политика первого президента Грузии приведет к потере и Южной Осетии, и Абхазии. Естественно, это произошло не без помощи третьей силы и десятой власти, и сотых причин (все время вспоминается епископ Лю, вышедший навстречу Аттиле: «Бич Божий, приветствую тебя»). Ситуация во многом сходная. И что происходило на самом деле еще тогда, разговор отдельный.

17 августа. Ходят слухи об увеличении военного контингента, и под видом вывода меняются места дислокации. Пока что российские войска заняли Хашури, Сачхере, Сурами и ввели там комендантский час. География расширяется. Это все далеко от Цхинвали. Опасаются, что население не выдержит, появились серьезные продовольственные проблемы. Может начаться сопротивление. Будет или не будет? Все боятся провокации, надеются на лучшее, выглядящее, скорее, как авось. Военные убеждают, что все будет в порядке. Очередная ложь? Ситуация меняется каждый день. Люди ждут выполнения договоренности — 18 августа. Вечером то, что осталось от тел знакомых погибших журналистов, все-таки привезли в Тбилиси.

По инициативе Патриарха по всему городу пронесли икону Иверской Божьей Матери, покровительницы Грузии, ход начался с древней Метехской церкви VI века.

Слухи, пленные, раненые, убитые, мародеры, страх, отрешенность, ненависть и единение. Что там еще на войне бывает?

...По какому-то из местных телеканалов какой-то из российских генералов в интервью корреспондентам путается в ответе, кто же его прямой начальник, называя то имя российского президента, то имя премьер-министра. Это смешно. Стерилизованные мозги жителей северного соседа оставляют множество комментариев в моем Живом Журнале, на форумах... Наиболее характерные: помимо призыва лично ко мне, родившейся в Тбилиси с родным русским, с русско-еврейской смесью, пишущей стишки на русском и русскому филологу, пойти и скинуть местного, превалирует желание «демонтировать Грузию как историческую аномалию», гордость за Россию, аргументированные объяснения, что «грузин не может быть хорошим человеком», ему только пулю и в печи газовые, что все это

ложь и пропаганда (если мягко), и никаких убийств и мародерства не было и так далее. Позже я узнала, что отчасти похожие настроения негласно блуждали и в местных русских организациях.

Есть и другие люди, их немало. Просящие прощения (они-то за что?), переживающие. Потом многие россияне — некоторые даже не бывали в Грузии — начали пересылать денежную помощь пострадавшим семьям. Она продолжается по эту пору. Безымянные и поименные, такие отдельные люди — вечное спасение России, точечное и точное, ее скрытая боль и тайная надежда, ее непреходящая драгоценность.

Есть и в Тбилиси полярность, конечно, есть. Но в быту, на уровне человеческого общения — абсолютное отсутствие тотальной ненависти. Встречаясь в самый разгар августа с незнакомыми людьми в магазинах, офисах, молодыми, из новой реальности, рассказывала, сколько разных людей со всего мира звонят, пишут сюда, среди них известные русские поэты, писатели и не только, знакомые и незнакомые, говорят, насколько ранены этой войной. Некоторые, слушая о них, плакали. В один из дней мы с мамой вышли за покупками в супермаркет, среди почти 40-градусной жары, полупустого города, наполненного напряженностью и дружным хоровым телевизионным речитативом из окон. Обычный супермаркет. В нем всю игру русская эстрада, дурацкие современные песенки. Это было очень характерно.

...Войска занимают Ахалгори, район находится примерно в 30 минутах езды от Тбилиси, рядом с Мцхетой. Сейчас, можно сказать, почти что в середине Грузии по сути начинается Россия.

Август... Хочется крикнуть «анафема», да сил нет. Крикнуть «ненавижу», но разве можно ненавидеть ад, зло? Надо с этим просто как-то справляться. Очень трудно. Любой ненавистью мы как бы себя к предмету ее приравниваем. «Презираю» и подобные понятия тут вообще неприменимы. Надо справиться с данностью. Что очень трудно...

...Война давно не новость для любой страны. И есть вообще в мире некое ожидание совсем большой войны, уже называемой войной цивилизаций. Словно норма — это война. Словно война становится естественным состоянием, начинающимся в сознании. Есть ли оно в таком случае? Есть ли человек в таком случае?

Сегодня уже дело в трещине, разъединившей два неестественно новообразовавшихся психологических материка, и потенциальном появлении новых врагов — таких, которые могут быть у детей

и детей их детей. Что автоматически приведет к культурному и душевному, духовному обеднению. Врагов по невежеству и незнанию. Врагов, так и не ставших врагами по определению. Опасна именно потенциальность. Те, кто дружат сегодня, останутся друзьями. Но их потомки завтра могут оказаться по разные стороны. Выход, скорее, реалистический, чем фантастический (вспоминая фразу и несколько локализуя ее смысл, кажется, Иоанна Павла II, сказанную о большой войне). Фантастический: если договорятся. Реалистический — Божественное вмешательство.

Сегодня главное — погибшие. Люди, деревья, животные. Да, и деревья, и животные тоже. Ни одна идея не стоит человеческой жизни. Равно как жизни дерева или животного. Ибо это претензия превзойти Бога (человек, дерево, животное — это идея Бога). Что есть абсолютное бесспорное внеконфессиональное богохульство и нечто противоречащее естеству мироздания.

Как тут не вспомнить маленькую пятилетнюю Алю, дочку Марины Цветаевой, сказавшую: «Марина, у деревьев тоже есть кровь».

Гектары сгоревшего леса в Боржомско-Харагаульском заповеднике, сожжено почти все, верхний слой почвы. Кто и как — разбираться лицам десятим и, видимо, потом. Еще долгие десятилетия здесь ничего расти не будет.

Но еще невыносимей вблизи видеть сгоревшую лозу. «Для меня деревья дороже леса». Ее я увидела в Никози. Сгоревшие угли винограда, похожие на зрачки ночи, все еще свисают с высохших жил трухлявых лоз, горькие на вкус, при малейшем прикосновении превращающиеся в пепел. Пепел знает все не только о прошлом, но и о будущем, норовя при любом дуновении разлететься и раствориться в воздухе навсегда. Чем сильнее, равно как и мимолетнее прикосновение, тем вернее исчезновение. Мы еще так далеки от христианства...

Очень давно меня часто спрашивали, почему не пишу стихов о Грузии. «Для этого надо немного отстраниться», — отвечала. Но оказалось, не только поэтому. Стишки начали появляться. Потом тема петляла, исчезая за поворотами и повторами судьбы. «Родиночувствие», по выражению Марины Цветаевой, охватывающее как размеры своей квартиры, так и несколько стран, язык, людей, было, видимо, точным и не слишком локальным, наученное не прочитанной, а узанной фразой Мераба Мамардашвили, повторяющей в свою очередь мысль Чаадаева, что «истина выше родины».

Места детства всегда заряжены особо. Даже если война, бараки... Как можно относиться к какой-то части своего тела? Только она начинает болеть, понимаешь, что не хочешь ее терять. Боль обычно связана с ощущением реальности, делая тебя-ее живыми. Как говорила Марина Ивановна, «душа наша способность к боли — и только. (К не-головной, не-зубной, не-горловой — не — не — не и т.д. боли — и только.)» Значит, родина ближе к душе, истина — к Духу.

...Среди моих друзей и хороших знакомых разных национальностей патриотов не водилось. «Патриотизм» как слово и понятие, зачастую одетое в луковые тряпки, давно себя дискредитировало. Даже когда погибает за свою родину, можешь не быть ура- и не ура-патриотом. Просто любить... Просто знать, что истина выше.

...Что будет дальше, по большому счету, можно только предполагать.

«...война окончена. Кто победил — не помню. Должно быть, греки: столько мертвецов вне дома бросить могут только греки... И все-таки ведущая домой дорога оказалась слишком длинной» (Иосиф Бродский).

У каждого вменяемого человека где-то остается **своя** Россия. И **своя** Грузия. Даже если их пытаются отнять, или они уже отобрабаны. И хочется, чтобы никакой пейзаж, детище Господа, не был обесчещен войной и ложью. Грохотом танков и сапог, вскрывающих кожу Земли. Бомбами, летящими напрямую в ад сквозь тело земное. Вспоминается сцена с Серго Закариадзе в «Отце солдата», когда он останавливает танки, идущие по винограднику. Трогательно до слез. И выглядит сегодня сказкой. Остается скорбь по каждому. Нет национальности. Нация — дополнительная информация о человеке. Мир и царствие небесное мертвым. Горе нам, живым, не умеющим понять простить, совершать поступки и любить. («По плодам узнаете», сказано в Евангелии.) И пусть это будет плач по мертвым и живым.

•
...Днем церковь затопили, чтобы Рождественская ночь изнутри прошла теплее. На ночную службу к владыке собирались приехать многие из Тбилиси и со всей Грузии. Это потом я удивлялась, как мог вместить столь небольшой храм такое количество народу. Послушницы суетились на кухне, послушники им подносили бидоны с водой... За день уже начали приезжать гости, прихожане епархии, знакомые,

друзья, родственники. Беженцы... Каждый к празднику привозил что-то, сделанное своими руками. На втором этаже в двух небольших комнатах не было места для прибывших — располагались, кто где мог: на матрасах на полу, скамейках, диванчике. Прекрасное разнообразие вкусной овощной еды при полной аскезе (в ее изначальном, древнегреческом смысле, где аскеза значит мера). Здесь никто не ест и не спит много. Спартакское существование с человеческим лицом. Мясо запрещено вообще. Несколько кусочков, скажем, от ломтика хачапури (в непостный день) и полчашки чая для владыки — вечерняя трапеза. Ее знак — молитва, молчание, неспешность и незатянутость. В Великий пост трапеза — раз в день. В праздничные дни поднимаются бокалы вина, без пышности, от души. Шутят, смеются, поют.

Редкие случаи, когда трапеза затягивается или начинается позже. Владыка может на нее не прийти из-за служения — общения с паствой. Один из редких случаев был тогда в августе, когда трапеза началась позже и затянулась. Минуты и метры спасли митрополита и его послушников и послушниц от гибели. Они задержались в трапезной случайно. Монастырь, где все вместе они находились в тяжелые дни и который строили сами 14 лет, был разбомблен с самолета и сгорел полностью. Рядом — полуразрушенный войной Дворец епископа X века, в метрах максимум 40–50 от церкви, внутри которой похоронен первый грузинский святой Ражден (V век, по происхождению перс, наставник жены царя Вахтанга, его советник, храбрый военачальник, принявший христианство и впоследствии мученическую смерть на кресте от своих бывших соотечественников, требовавших отказа от веры).

Беженцы в сентябрьском Тбилиси

— У нас был такой дом, вот половина этого, — она указывает на роскошный пятиэтажный дом. — Что вы! А какая природа! Лучше всех у нас. Вода какая! Здесь [в Тбилиси] я совсем не могу пить воду. Ну не могу. И дышать. Дышать не могу.

Потом долго извиняется, что жаловалась...

— Скажи, скажи им (это — нам), сколько денег ты оставил.

— Ай, какая разница. Сейчас вообще Грузию поделят Россия, НАТО, собрались, решат... Зачем нам Америка? Она далеко. А что мы? Мы не выживем...

Он был очень богат, как понимаю. О чем свидетельствуют остатки золотых зубов у него и наличие их у его жены. Сейчас шутит, хорохорится. Его избил осетина, осталось четыре золотых зуба внизу и пара боковых наверху. Одного из сыновей убили еще давно.

Говорит:

— Увижу осетина, подожгу его дом. Жена у него — осетинка. Оба были в плену. Они все из Тамарашени, села, стертого с лица Земли. Мы с мамой их нашли случайно, в начале сентября, они поселились в госпитале рядом с домом. Кто-то из соседних сел, которых больше не существует. Все ушли в одних тапочках — даже теплых ботинок не успели взять. Таких по всему городу десятки тысяч...

— У нас три дома было, — рассказывает жена-осетинка, прекрасная Салимат. — В Цхинвали разное случалось... Одному парню повредили носоглотку — кровь текла то из носа, то изо рта. Заступился русский врач. Иногда давали еду русские солдаты. Молодых парней используют как рабочую силу. Мать заставили уйти, сына оставили.

— С женщинами обращались еще более-менее, — говорит мне сын красивой голубоглазой 76-летней женщины, побывавшей в плену, — а стариков заставляли делать самую грязную работу, некоторых били.

— Ели очень мало, а воды вообще не давали, — добавляет мать. Из плена вывезли представители Красного креста. Бывший богач начал насильно нам вручать турецкие печенья из

пайка. Естественно — отказ. Да не тут-то было. Подошла другая, положила три пачки рядом:

— Ни за что обратно не возьмем! И еще поставила бутылку постного масла.

— Да вы что? И речи быть не может. Сидели, разговаривали — уходить почему-то совершенно не хотелось.

К вечеру мы собрались идти домой. Пожилая голубоглазая женщина встала:

— Если вы сейчас же это не возьмете, мы очень обидимся.

Постное масло удалось отстоять и вернуть им. Печенье они стали буквально всовывать насильно. Отказаться — они бы действительно обиделись. Ведь от всей души!

...В гостинице, рядом с госпиталем, где тоже беженцы, стоит пожилой старик, опираясь на палку. Ходит еле-еле.

— Мы вот так жили (характерный жест ребра ладони у шеи)! 25 лет на заводе работал, 25 лет начальником отдела снабжения был.

В 90-х годах у него умерли жена, 13-летняя внучка, двое сыновей, потом 3-летняя внучка. Остался сын с русской невесткой в России и трое внушек рядом с ним, которых, кроме него, некому кормить. Старшая на шестом курсе. Надо год подождать. Он сам осетин, жена, видимо, была грузинка (какая разница-то?).

— А все остальные у меня осетины были. И отец, и деды, прадеды. Я вообще не хотел уезжать. Один остался в селе. Все уже уехали. Меня родственник вот так взял (показывает: за шкирку), бросил в машину. На кровати и туфли остались, и деньги.

— Зачем я живу? — все время повторяет и плачет. — Там же я себе рядом с ними уже на кладбище место приготовил...

...Дети-беженцы из Тамарашени в школе. Учительница хочет с каждым из них познакомиться. Очередь доходит до одного мальчика — восьмиклассник.

— Как тебя зовут?

— Подождите, дайте сначала сказать... Учительница замолкает.

— Они... Они разрушили дом Мачабели!

(Иванэ Мачабели — известный грузинский писатель и общественный деятель XIX века, рожден в селе Тамарашени, там был его дом-музей.)

— А что ты знаешь про Мачабели? И мальчик начинает взахлеб рассказывать. И потом:

— Вы же знаете, почему Тамарашени так называется? («Ашенебс» — «строит» по-грузински). Царица Тамара его построила.

— Скажи, — потом спрашивает она его, — и твой дом разрушен?

— Да, — он сел и заплакал.

...Многие стали покидать ущелье Большое Лиахви еще 4 августа, уже тогда, по рассказам, с самого конца июля, велись обстрелы. Уходили женщины и дети. Уходили навсегда.

— А что еще остается делать? — сказала одна из них со слезами. — Только терпеть. Встала, обняла — долго, тепло, по-деревенски, изначально лишённая городского чувства разъединенности. И снова села на скамейку, рядом с другими — продолжаться в новой обыденности.

...Но еще сложнее, острее, бессловеснее стало, когда мы подошли к перекрестку улиц. Навстречу завернули несколько мужчин.

Они шли довольно уверенно, не медленно и не очень быстро, целенаправленно, с суровым, чрезмерно суровым видом. Вначале нам показалось, что в руках у них автоматы, но через секунду мы разглядели удочки и другую рыбацкую снасть. Один из них нес ведро, наполненное рыбой. Скорее всего, выловили из говорливой грязной, мутной, вращающей мусор и вращающейся вокруг опустевших гор Куры. Они возвращались, как столетия назад охотники, добытчики, кормильцы, возвращались слишком сосредоточенно и беспощадно к разлегшемуся в городе теплу сентября. На них сейчас рухнуло основное бремя заботы и неизбежной при этом сдержанности. Их взгляд, решимость и неприятие любой расслабленности, чего-то постороннего их сегодняшнему миру, гордость, вспыхнувшая как сопротивление изгнанию, потерям, как огонь и раскаленное железо от бомбежек и танков, навсегда стерших с лица земли их дома и прежнюю жизнь, не допускали даже предполагаемых разговоров.

Мы так и не оглянулись вослед, чтобы увидеть, заходят ли они в ворота временно приютившего семьи госпиталя, где голодные, потерявшие все и оставшиеся в живых дети, жены, родители, родственники ждут их и не ждут ничего хорошего. Мы так и не оглянулись, чтобы удостовериться, куда они шли. Возможно, потому что знали.

•
...Комната, где трапезничают послушники и послушницы Никози во главе с владыкой, мала, незатейлива и тем ценна. Шум богатства не трогает ни обстановку, ни стол, ни междуречье общения. На стенах висят несколько миниатюрных и очень хороших картин современных грузинских художников, полка с книгами, в углублении — иконостас. Рядом с дверью вешалка, прядильный станок и старая громоздкая радиолка, служащая лишней полкой. Внешне все это напоминает патриархальную семью со своим строгим, но не официальным укладом: можно и разговаривать, и читать стихи, и тихо, достойно петь единой душой — а капелла, под чонгури, — собираться смотреть фильмы, которые приносит владыка, снятые им самим или то, что считает нужным показать своим подопечным. Надо было видеть, как рыдали от смеха священники, глядя на самих себя в кадрах, снятых владыкой, как смеялись — по-доброму, без всяких поперечных и продольных мыслей, беженцы — его паства, люди, потеряв-

шие все, когда митрополит после службы в храме в Тбилиси показывал однажды им свои забавные кадры, снятые в Никози в самое тяжелое время. В каждом кадре — любовь. И во всем этом — великое состояние прощения.

В монастыре часто бывают гости. Как-то при вечерней трапезе отключили электричество. Послушницы быстро поставили свечи на стол. Владыка, как обычно, есть не стал, особенно в одиночестве, и позвал всех. И почти каждая гостя: девочки лет 16, другие, постарше, по очереди читали стихи. Затем и митрополиту захотелось почитать вслух.

...Горят свечи, где-то рядом рядится в снег наступившая ночь, и его красивый голос, удерживающий в себе фольклорные напевы и сейчас чуть слышную интонацию молитв, словно озвучивает пейзаж любимой им родины: горы, долины, мягкие переходы ландшафта, достигающие и огромных высот, и серьезных глубин.

•
Зачастую пестрые слова, сказанные гостями о стране, ткнут прекрасный ковер, на который становятся следующие поколения жителей и странников. Но находясь тут, на месте, хочется сбросить его с округлых плеч почвы, убрать из-под ног и стать на голую землю. Дотронуться до достоверности без посредников. Вложить персты... Не чтоб убедиться, но — прикоснуться.

Мы привыкли надевать на себя то, что именуем родиной — или, скорее, неким пейзажем, внутренним и внешним, — как домашний халат... Иногда он выглядит надоевшим платьем. Иногда — плотью, приросшей к душе.

Грузинские древние храмы мало отличны от пейзажа. Они вырастают из земли, продолжают скалы, упираясь шлемами своих куполов в чреватый солнцем, дождем и снегом воздух. Небольшие, оттого и величественные. Их величие в сдержанности, особой мужественности архитектуры. Закрытости по горизонтали, отсутствию сантимента и четких границ с пейзажем. В абсолютно гармоничном переходе-входе Природы в Храм.

Не случайно даже грузинский крест сделан из виноградной лозы (как тут не вспомнить молитву «Ты еси Лоза Виноградная»), перевязанной волосом Святой Нино Каппадокийской — просветительницы

Грузии, двоюродной сестры Георгия Победоносца, племянницы Патриарха Иерусалимского, девочкой пришедшей в страну в IV веке. Крест немного похож на стрелу, запущенную с Земли в Небо.

•

И все здесь порою как-то смягчается некоторой улыбкой существования.

В районе старого Тбилиси, примерно там, где еврейский квартал, есть очень красивое место. Питхайнская лестница, ведущая в гору. По дороге находится нижняя Вифлеемская церковь XVIII века, выше — верхняя Вифлеемская, VI века. На горе возвышается огромное чудище, называемое Мать-Грузия. Вблизи почти все большие статуи страшны. Меж двумя церквями еще уютятся старые домики, живые, деревянные свидетельства аромата Тифлиса. Всегда мечтаю о кино, я как-то раз оказалась там с камерой. Было очень жарко, лето... Сняла иконы, почему-то вынесенные на воздух, светящиеся на солнце, и выключила камеру. И, как обычно, тут началось самое интересное.

Удушливая июльская тишина. Стою меж нижней и верхней Вифлеемскими церквями. И вдруг женский голос очень будничным голосом зовет соседку:

— Мадонна, Мадонна!

И откликается женщина с этим именем, и завязывается оживленный разговор на курдском языке.

Алило

...После Рождественской Литургии началось Алило. Это было настоящее Алило — а не притворный и приторный городской маскарад. Алило — от древнееврейского «Аллилуия» («Хвалите Господа!»), рождественский ход сразу после ночной службы. В каждой провинции Грузии свое Алило. Традиция уходит корнями в древность (ее возродил Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II) и носит благотворительный характер, а также радость возвещения Рождества. Именно ее и испытываешь, отправившись со всеми в многочасовой путь по заснеженному Никози. Владыка вместе с певчими — несколько девушек из церковного хора с традиционной рождественской пес-

ней. Она обязательно поется при входе в дом и выходе из него. Рядом послушник держит чашу со святой водой, множество людей. Заходят в каждый дом, митрополит возвещает о Рождестве. Его уже ждет накрытый стол, вино. Он произносит тост, благословляет, кропит святой водой. Задерживается, чтобы поговорить с хозяевами, — и отправляется в следующий дом. Снег по колени, снежинки величиной с ладонь младенца. Постепенно седая борода владыки застывает на краях сосульками. Но он рад, как ребенок, — ибо это праздник.

Божественный праздник.

Повсюду тосты, песни, смех, по дороге дети и взрослые играют в снежки. Все гости должны отведать угощение хозяев. Алило начинается часам к восьми утра, когда еще темно, а заканчивается после часа дня. Раньше, когда все дома стояли целыми, а село не заканчивалось блокпостами, бывало и после четырех.

•

Горы... По ним сбегают вниз (или карабкаются вверх) «Тифлис горбатый», города и села Грузии. Горы закрывают горизонт, о них спотыкается взгляд, вынужденный возвращаться обратно и невольно подниматься к небу. Но зато горы, в отличие от плоскости равнин, дают объемность восприятия. Не случайно на Востоке — притчи, а на Западе — теории.

«Басня и притча — древние формы выражения мысли, — сказал как-то Отар Иоселиани. — Способ выражения мысли в басне создает модель более всеобъемлющую. Грузинский метод охвата явлений... построен на... баснописании. Басня — это удобное, емкое, языково ближе к философствованию. Вся задача заключается в том, чтобы постепенно увести зрителя в сторону, убедить в реальности. Сместить акценты и рассказать басню. В Грузии, в Армении есть древняя традиция жить. Когда в Грузии станет почетным жить бедно и беспечно, тогда, может, все изменится».

Епархия: портреты на фоне

С разрешения владыки мы с послушницей Евлалией идем к ее дому. Сегодня это первый жилой дом в Никози. От монастыря — несколько минут ходьбы. Жилым он стал недавно — когда туда снова

заселились ее близкие. Он находится немного в глубине, располагаясь территориально дальше грузинского блокпоста. По большому счету, на «нейтральной полосе». Впоследствии я узнала, что владыке звонили, спрашивали, кто это. Но нас никто не тронул ни вопросом, ни даже встречей... Словно в той маленькой коробочке-домике, именуемой блокпостом, никого и не было.

Дорога скользкая и снежная, потому идем медленно, перешли маленький шатающийся мостик без перил над узким каналом, отведенным от реки Большая Лиахви, вдоль которой летом шли беженцы. Евлалия замерла у калитки своего дома.

Она родилась в Цхинвали, в Никози была дача. «Какой был город, — вспоминает послушница. — Спокойно ходили ночью. Тихий, прекрасный. Не то что Тбилиси».

После ухода в Ахалгори в августе — они шли, держа в руках икону из церкви — Евлалия не выдержала и через три дня выехала обратно. Просто так добраться до Никози было невозможно: война, повсюду российские посты, никого не пускают... Она приехала вместе с митрополитом Горийским и русским генералом. Только так и пропустили. «Мы ведь не знали, что с владыкой, жив ли он. Приезжаем, вокруг все разрушено. Страшно. И вдруг навстречу выходит владыка. Это были самые счастливые дни в моей жизни. — У нее заблестели слезы. — На следующий день мы сидели в комнате, вдруг звонят колокола, кто-то вбегает и кричит: приехал Патриарх!.. А русских солдат владыка жалеет. Молодые, 18-19 лет, говорит он...»

Евлалия рассказывает отрывисто, о разном. Потом владыка отправил ее снова в Ахалгори. Оттуда, из уже занятого района, послушницы перебрались в другой монастырь. И только потом, когда главная опасность миновала, владыка разрешил им возвратиться. Сегодня они живут в небольшом доме, сам митрополит — в маленьком однокомнатном вагончике.

...В один из вечеров в монастыре мы устроили вечер поэзии. Собрались послушницы, несколько жителей села, гости. Читали по очереди: автор статьи — стихи великих русских поэтов, владыка — грузинских, в том числе своего любимого Важа Пшавелу.

Молодая никозская послушница Тинатин затопила железную печку с дровами. Митрополит и монахиня на два голоса пели народные грузинские песни. Но что могут передать нестройные любительские кадры, неуклюжие слова-описания? Надо просто находиться рядом.

Владыка прекрасно поет, играет, будь то четырехструнный чонгури, доли (двусторонний грузинский барабан) или другие народные музыкальные инструменты. Еще любит гитару. Он красив той уникальной, цельной красотой, когда внешнее полностью сочетается с внутренним. Точнее — встречается. Александр Шмеман писал именно про таких, как владыка: «Детская радость христианства». Видимо, о нем это афонское предание: невозможно поверить в Бога, если в своей жизни хоть раз не встретишь человека, в глазах которого есть сияние вечной жизни.

С земли начали бомбить 7 августа, 11 августа началась авиационная бомбежка. Укрыться было негде. 32 снаряда в один день упало на монастырь. Они в пыли, в шуме искали, выкрикивали имена друг друга — все ли живы.

...Днем владыка, еще один священник и пожилая жительница Никози, категорически отказавшаяся покидать родное село, прятались в садах, чтобы не застали мародеры. Ночевали в подвале. Ни электричества, ни воды. Едой служили незрелые помидоры, растущие в огородах полупустого села — в Никози оставались только старики. В один из августовских дней, рассказывает владыка, лежу на земле, читаю книгу. «Наконец-то нашел время почитать», — шутит он. Почувствовал что-то твердое под головой, поднялся. Оказалось, лежал на бомбе. Как потом выяснили саперы, кассетной и запросто способной взорваться в любую минуту.

Во время всех событий владыка вел себя геройски. Не как воин, но как Его служитель. Спасал людей, животных. Выравнивал отношения по обе стороны пограничья. Говорит, что Грузия спасется не оружием, не силой — а отсутствием ненависти и озлобленности.

Постоянные прихожане епархии сегодня — те, кто мог возвратиться, кому было куда, и те, кто так и не покидал родные пенаты. Некоторые идут на службу пешком из соседних деревень. Это люди, которые меньше всего думали о войне — но последствия этого безумия испытали более, чем кто-либо.

...У Пелагеи, Пело, четверо замечательных детей. Она грузинка, ее муж Коте осетин, прислуживает владыке на Литургиях. Весной облачили и их старшего девятилетнего сына Ото (Отара), теперь и он помогает на службах. Весь второй этаж их дома разрушен ракетами, родители Пелагеи в день, когда попали в дом две ракеты, находились во дворе (сама Пело с детьми была уже в Гори, муж — в церк-

ви), они случайно остались живы. Семья ютится на первом этаже, две маленькие комнаты, туалет во дворе. Есть для них построенный коттедж в Гори, как и для других пострадавших (сейчас по Грузии возникли целые новые села таких коттеджей, издали напоминаящих улы), но зимой там сыро. И они в Никози. Ни капли озлобленности, в глазах и поступках — та самая открытость, «неслыханная простота» и прямотуше. Которые способны пробудить во встречном человеке любовь к ближнему, дающуюся без усилия.

Иногда приезжает на службу и остается на трапезу молчаливая молодая девушка с маленьким ребенком, крестником Евлалии. В августе он был совсем грудным младенцем. Они тогда успели уйти из дома, но ее матери понадобилось через какое-то время вернуться, посмотреть, что с домом... Снаряд попал прямо в такси. Мать погибла. Шофер был тяжело ранен. Что случилось с матерью девушки, узнали только после того, как он пришел в себя. Рассказал, описал женщину, в чем была одета и о чем говорили. Другую бомба настигла прямо у калитки своего дома — женщина возвратилась, чтобы пойти на кладбище, было 40 дней ее свекрови. Убитых хоронили прямо во дворах.

Ни у кого из жителей этих сел со смешанными и не смешанными кровями и браками, с разными судьбами нет злобы и агрессии. Отсутствие зла всегда притягивает. Об украденных вещах, разрушенных и поврежденных домах никто не сокрушается сильно. Единственное, что все еще остается — страх повторения...

Священнослужители епархии лишены гордыни, драматизации. Той поучительности, которая может выбить из любой веры, — все они сегодня беженцы. Села и деревни, где они жили и служили, уничтожены навсегда. Их семьи — в Тбилиси.

Священник епархии отец Давид родом из Авневи — села, стертого с лица земли. С ним постоянно происходят какие-то забавные вещи, словно он специально создан, сотворен из и для народных сказок, притч, баек... Владыка любит рассказывать, как в самый разгар событий прошлого года отец Давид с послушником Георгием застряли в пути — у них испортилась машина. Навстречу едет БТР, дорога узкая, не объедешь. Железная машина остановилась, из нее вылезают военные, приказывают священнику выйти из машины.

— Что случилось?!

Полуосетин, полугрузин, отец Давид по-русски почти не говорит... И единственное, что он смог сказать в ответ:

— Машина издохла.

Есть в Никози пожилая супружеская пара Лейла и Коля, бывшие танцоры знаменитого ансамбля Сухишвили-Рамишвили. Таких, как они, наверняка очень любили бы кинематографисты. Всмотриваться в Лейлу — всматриваться в настоящую Грузию.

Их дом примыкает к небольшому дому для паствы в самой епархии. В течение 14 лет они ни разу не заходили в церковь.

— Так, Лейла присылала нам что-то — спечет, приготовит, а в церковь не ходила, — с полуулыбкой говорит владыка. — Теперь ее отсюда не выгонишь. Война помогла.

Лейла показывала владыке, снимающему ее на камеру, как пряталась от 58-й российской армии в сундуке в течение 24 часов. Она потом подружилась с ингушом, и он ей помог навестить дом дочери в Нижнем Никози. Корову посмотреть, есть ли, нет...

— Я им всем говорила «сын», — рассказывала Лейла. — Ведь если так говорить, они, может, и не убьют. Нет, так не грубили. «Не бойся, бабушка, у нас нет приказа убивать. Вот если будет...» А дочка как меня потом увидела... Я вся такая стала маленькая...

Лейла им давала воду. Помогала, чем могла. Ее муж Коля решил отправиться в плен к осетинам, приказавшим старикам Никози собраться в определенном месте. Этот «плен», в отличие от других, жестоких, находился в бывшем здании полиции, через несколько домов от дома Лейлы и Коли. Там действительно содержали пленных стариков. Лейла все пыталась вызволить мужа, но Коля не очень хотел: повсюду были мародеры, опасно выходить даже во двор. А в том доме их «охраняли», не грабили.

В сентябре владыка привел их, после почти 40 лет совместной жизни, к венчанию. Есть у него очень смешные и уникальные кадры церковной свадьбы, в лучших традициях интонации грузинских короткометражек, но только документальные.

— А ты видела, как я танцую там? — спрашивает Лейла. Ей нравится быть киногероиней.

Она с огромным успехом танцевала и на Пасху. После праздничной Пасхальной службы, когда опять собрались в Никози многочисленные гости, в том числе из Польши, был во дворе у стен церкви накрыт стол, и, как обычно происходит в Воскресение Христово в Никози, молодые парни и девушки, дети и старики танцевали грузинские танцы, пели народные песни. Было шумно, весело и светло,

в километре от Цхинвали, до чьих корпусов рукой подать отсюда.

Не хочется, чтобы рассказ об этих людях, выхваченных из смутного контекста серой безвестной ежедневности и высвеченных здесь, выглядел приторным. Однако запоминаются и остаются именно они, такие разные и одинаковые в чем-то настоящем. Вспоминается библейское: «Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне» [Псалом 114:6].

...Мы с владыкой и прихожанами едем в Никози. По дороге он включает то грузинскую народную музыку и подпевает, то Вивальди, то песни в исполнении хора православной Духовной академии Аляски, чей диск ему там подарили, то Высоцкого...

Наблюдая за ним, чаще думаешь не об ортодоксии, но об ортопраксии. Ибо важно не только во что верит, а как поступает человек. «Вера без дел мертва» (Послание Иакова, 2:20). Нет человека, которому бы он не уделил внимания. Нет события, которое оставило бы его равнодушным. Редкое и в «обычной» жизни сочетание душевной тонкости, деликатности, умения обо всем сказать ненавязчиво, четкого духовного вектора и живой неудовлетворенности собой, позволяющее ему идти дальше и не застревать в неживности; чистоты, данной семьей и усиленной верой; искренним и потому истинным служением; сдержанности и теплоты, мужественности, властности, мягкости и детскости... Но главное — ощущение не выработанной, не просто воспитанной духовной жизнью, но какой-то особой, сверхданной любви к каждому конкретному человеку. Любви-существованию, любви-поступку.

В таких людях — и через них — небо говорит яснее и милостивее.

•

Ангелы — одежда Бога. Священник — чтобы не объяснить, а проводить к Нему.

Живая вера — дар души и ума, перемноженная на неустанный труд оных. Отказ от себя. И безошибочное ощущение-чувствование другого человека. Поспешность и дотошность не всегда способствуют пониманию и действию. Творческая совесть исключает снобизм незнания и догмы. Как и вера. Незнание больше знания, и эта не та область, в которую хочется вмешиваться. Можно сказать, у верующего — по-настоящему, вне зависимости от конфессии, — истинно творческая совесть.

•

Для Бога нет ничего невозможного, но Он делает что-то невозможным для нас. По маловерию или как — не понять. У каждого на земле своя мера Его милости и наказания. Никто не узнает, но никто не узнает по-разному.

Мир меняется и остается прежним.

Любая перемена (переезд, смена-потеря работы, семейного положения, страны и т.д.) сильно задевает самоидентификацию. Не каждый сможет очнуться. А кто-то идет гораздо дальше, чем смог бы прежде. Все происходит внутри и только потом вовне.

Жара нового августа распяляет воздух, плавит мозг. Ощущение времени теряется.

Многие беженцы сегодня расселены по разным селам и деревням Грузии, или живут в маленьких многочисленных коттеджах. Кто-то так и остался в госпитале, в гостиницах.

Все уличное многолюдье прошедшего года, вызывающее у каждого свои симпатии-антипатии, все экономические и политические трудности как-то тоже озвучили это время. И, думается, еще озвучат. Жители Грузии сегодня больше заняты внутренними проблемами, и, хочется верить, внешние тайфуны, которых все еще опасаются, их не тронут так, как это произошло в августе прошедшего года.

Епархия частично восстанавливается. По мере тех возможностей, которые даны. Разминирование продолжается — повсюду кассетные бомбы, и жители Никози и соседних деревень не могли или не могут убрать урожай на своих огородах, выходить в поле. Но по всей территории Грузии, где так или иначе прогремел прошлый август, до сих пор изредка подрываются на минах и бомбах дети, порою целые семьи. Не говоря уже о mine замедленного и длительного действия: психологической.

...Год пролетел так быстро, что трудно понять, был он длинным или мгновенным. Взорванный событиями, разорванный и поновому соединивший отношения с разными людьми и странами, перевернувший многое и многое поставивший на свои места, этот год стал встречей с чем-то подлинным.

•

...И снова возвращаешься к пограничью ночи и снега, узнавая в предутренней тишине о Грузии больше, чем, кажется, за всю жизнь

до сих пор. Возвращаешься в зиму, самое честное время года. Когда небо не прячется в листве и белая земля похожа на живой чистый лист бумаги, на котором еще можно что-то написать, и пробивается сквозь ночь сгоревшая виноградная лоза, обугленное дерево, небо, заменяющее и отменяющее крышу, дым от печки из окна церкви, отапливающей храм, снег, оберегаемый ночью.

Именно в такие минуты больше всего хочется шептать «Аллилуйя», ибо «смирненных возвышает Господь, а нечестивых унижает до земли... Не на силу коня смотрит Он, не к быстроте ног человеческих благоволит, — благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» [Псалом 146:6,10]. Чем с больших «нет» звучит «Аллилуйя», тем скорее услышит Создатель.

И остается беззвучное эхо творения — оно ведь совершается каждую секунду, каждый шаг по сути акт творения, — мимикрии букв, в которые превращены силуэты и в которые превратишь потом пейзаж. И наступает момент, когда местность перестает быть оптическим обманом и становится тем, чем и должна быть: краем всего, и мысли в первую очередь. Возможно, безадресным. Остается еще немного, чтобы закрыть за собой прежние двери и выйти прямо в космос. Который почти что наклонился к тебе и прошептал свою главную тайну: тишину.

Это и есть настоящий говор вскрытого неба.

